

УДК 355/359(=512.1)

Я.В. Пилипчук

Татары в Великом Княжестве Литовском (православные и мусульмане): адаптация и ассимиляция

Данная статья посвящена истории татар в Великом Княжестве Литовском. Поступая на службу к великому князю литовскому, татары могли сохранять свою религиозную и этническую идентичность. Принятие христианства и ассимиляция среди местного населения зависели от личного выбора конкретного аристократа. Глинские, Яголтай и другие шляхетские роды достаточно быстро ассимилировались среди славян. Татары куда охотнее принимали православие, чем католичество. Глинские и другие знатные татары, невзирая на свое православное вероисповедание, продолжали восприниматься татарами как свои люди. Сохранение ислама было возможно только в местах компактного проживания – Литве, Вольни и Черной Руси. «Служивые татары» и татары-муртады (мусульмане-вероотступники, как Глинские) несли военную службу, были послами и переводчиками.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское, Украина, татары, литовские татары, мусульмане, ислам, христианство, казаки.

Одной из интереснейших тем в истории Восточной Европы является история польско-литовских татар. Касательно этого вопроса уже существует внушительная литература. Истории польско-литовских татар посвятили свои труды С. Крычыньски, П. Боравски, Я. Тышкевич, Я. Гришин, С. Моцкун и С. Хазбеевич, И. Зайцев, Г. Мишкинене, К. Федорвайте, З. Канапацкая (Kruczynski, 1938; Borawski, 1986; Chazbijewicz, Mockun, 2012; Зайцев, 2010; Tyszkewicz, 1989; Гришин, 1995; Гришин, 2000; Мишкинене; Fiodorvaite, 2013; Канапацкая 2006). Однако в данной работе главное внимание будет сосредоточено не на татарах в Польше, Литве, Беларуси, а на тех татарах, которые несли пограничную службу на украинских землях Великого Княжества Литовского и которые влились в состав украинской шляхты и казачества. С этим вопросом напрямую связан вопрос относительно родов Глинских и Ягалтаев в Великом Княжестве Литовском. Этим вопросом занимались А. Шенников, В. Трепавлов, Е. Русина, С. Кучыньски. Отдельно стоит отметить работы Н. Яковенко по истории украинской аристократии, где исследовательница выделила целый ряд родов украинской шляхты татарского происхождения. Также необходимо отметить вопрос относительно тюркского компонента в формировании украинского казачества. Этому вопросу посвящали свои работы М. Грушевский и И. Халимоненко (Шенников, 1981; Трепавлов, 2010б; Трепавлов, 2006; Русина, 2001; Яковенко, 2008; Грушевський, 1995; Халимоненко, 1993; Kuczynski, 1965).

Важную роль в истории литовско-татарских отношений сыграла община «литовских татар». Татары в Великом Княжестве Литовском были провинциальными князьями, шляхтой, казаками, переводчиками, послами. К литовским татарам не можно отнести львовских татар, которых в своем сочинении «Тройной Львов» упоминал Б. Зиморович. Он перенес современный ему этноним на потомков кыпчаков, поселившихся в Галичине в XIII в. Татарами были крымцы, поселенные на Вольни. Часть из них была расселена в регионе после побед, одержанных Константином Острожским над татарами в начале XVI в. Они были поселены около Острога, в Хорове, Подлужье, Полонном, Староконстантинове. Потомки пленных сохраняли мусульманскую религию своих предков и охраняли юго-восточную Вольнь от вторжения крымцев (Осипян, 2013, с. 149–165; Fiodorvaite, 2013, с. 150–155; Якубович, 2010, с. 186–196).

Если же говорить о других регионах, то татары появились намного раньше. Это касается как пограничных Киевщины, Брацлавщины и Подолья, так и внутренних регионов около Вильнюса, Тракая, Гродно и Лиды. Литва была известна Муинн ад-Дину Натанзи и Гаффари как страна Либка. В этом государстве проживала община татар. В рукописи «Хан-Наме» упомянута страна Лебне. Эвлия Челеби, описывая ситуацию XVII в., упоминал о мусульманском народе Липка, говорящем на языке, близком польскому (то есть на белорусском). О них писал Ибрагим Печеви, сообщая о 60 татарских поселениях и столько же джами (мечетях). В переписке Мехмеда-Гирея с великим князем литовским упоминалось о «литовских татарах», как о деревенских жителях не желавших признавать власти хана и мурз и принимавших московское подданство. Указывалось, что они оставались мусульманами, но перенимали русские обычаи. Османский султан Мурад III знал, что в Польше около границы с Москвой проживало 15 тыс. суннитов. Селим-Гирей в письме русскому

государю в 1674 г. писал, что польский король отвращает либков от ислама и заставляет стать христианами. Факт насильственной христианизации действительно был, иначе бы Саид-Мухаммед Риза в знаменитой хронике «Семь планет» не говорил бы о том, что либки просили Селим-Гирея, чтобы их переселили в Буджак. При этом крымский автор забывал добавить, что к татарам и туркам бежала только часть либков (Зайцев, 2010, с. 70–77).

Многие татары принимали христианство добровольно, правда, в большинстве своем не католичество, а православие. Поселившиеся в Великом Княжестве Литовском Глинские и Яголгаи, буквально в следующем после переселения поколении переходили в христианство. Они становились православными христианами и получали перспективу сделать карьеру. Те же татары, которые оставались мусульманами, сохраняли свои религиозную и этническую идентичность. Более того, в польских источниках сохранилось память о кланах Ширич, Барыч, Сиджиут, Джалаир, а также Кунграт и Найман. По данным переписи войска Великого Княжества Литовского 1528 г. литовские татары составляли 600 воинов. В середине XVI века литовские татары перешли на белорусский и польский языки, однако сохранили свою религию и этническую самоидентификацию. Они также знали турецкий для общения с единоверцами. В «Risale Tatar-i Lech» сказано, что татары свободно исповедовали ислам и у них было около 100 мечетей. Автор этого сочинения полемизировал с польскими хронистами (Яном Длугошем, Марцином Кромером, Марцином Бельским, Мацеєм Стрыйковским) о том, что мол татар поселили в Литве насильно. Как показало исследование Я. Дашкевича походов на Подонье и в Крым в 1397–1398 гг. со стороны Витовта не было. Он воевал только на нижнем течении Днепра в союзе с татарами Токтамышча. То есть анонимный литовский татарин в конечном итоге оказался прав. Неизвестный татарский автор говорил, что в Литве татары поселились добровольно. Родоплеменное деление сохранялось среди либков в XV–XVII вв., сохранялась собственная аристократия с системой титулов – бек, оглан, султан, ага, сейид. В правовом отношении она находилась в том же положении, что и шляхта, только без прав влиять на политику государства. Простые татары-мусульмане имели статус аналогичный служебным боярам и казакам. Среди литовских татар было два рода, представители которых назывались султанами. Это были роды Острынских и Пунских. Великий князь литовский и король польский назывались литовскими татарами «белыми царями» (белыми падишахами) аналогично тому, как татары позже называли русских государей. Однако много было и тех, кто переходил в христианство. Показателен пример Глинских, которые были потомками Мамаю. Б. Черкас считает, предоставление Мансуру-Кыйату укрытия киевским князем Владимиром Ольгердовичем и подольскими князьями Кориатовичами уже в 1380 г. повлекло за собой вторжение войск Токтамышча. Мансур, таким образом, получил земли на Киевщине уже от Владимира Ольгердовича. В хронике Абд ал-Гаффара Кырыми указано, что кыяты после смерти Мамаю ушли в районы Энгэл вэ Онгул, то есть в бассейны рек Ингула и Ингульца, которые находились под контролем Гедиминовичей (Черкас, 2011, с. 168–169; Миргалеев, 2010, с. 193; Kryczynski 1938, s. 70–76, 228–240; Осипян, 2013, с. 164; Якубович, 2010, с. 189; Dlugosz, 1869, s. 495; Дашкевич, 2004, с. 133–135; Kromer, 1857, s. 749; Стрыйковский, 2011, с. 595; Трепавлов, 2007).

Появление первых «служивых татар» на службе литовских князей Б. Черкас относит к 1370 г. Уже тогда при походе литовцев против Тевтонского Ордена в их войсках присутствовали татары. С того времени татары активно использовались в войнах против Тевтонского Ордена. Примечательно, что Жильбер де Ланноа, находясь в Каменце, упоминал о мусульманине, находящемся при Витовте. С расширением границ Великого Княжества Литовского до Черного моря тюркский компонент должен был только усилиться (Черкас, 2011б, с. 17; Ланноа, 1873).

У татар сохранилась память о миграции части своих людей в Литву и Польшу. Это, в частности, отобразилось в шибанидской и крымскотатарской историографии. Утемиш-Хаджи сообщал аналогичную информацию, но сообщал, что Шейх Ахмед находился в плену в стране Курал. Сообщалось, что в вилайете Курал находились те же омаки, что и в Дешт-и-Кыпчак. По его сведениям, они ушли вместе с Шибаном, от которого происходил род К.р.н.в.д, из которого избирались короли. По информации Абу-л-Гази, вилайет Курал остался в руках потомков Шибана и жившие в его время (а это XVII в.) происходят из рода Шибана. Абд ал-Гаффар Кырыми ссылаясь на некие записки Шейх-Ахмеда и сообщал, что Шибан завоевал вилайет Курал, а из рода к.р.нуд происходят правители той страны. Этот род, по мнению крымского хрониста, происходил из рода Шибана. По мнению И. Мустакимова и В. Трепавлова, этот этноним правильно писался к.р.буд, то есть Корибут. Кроме того, герб Корибут носили князья Вишневецкие и Збаражские, которые были Гедиминовичами. Престиж великого князя литовского и короля польского был настолько высок в тюркском мире, что некоторые хронисты хотели приписать этому правителю чингизидское происхождение и родственные связи с своими правителями. В хронике Кадыр Али-бека Джалаири Шибанид Хаджи-Мухаммед в 1419 г. направлялся в вилайет Курал. Если персидские и арабские хронисты

XIII–XIV вв. под термином керел понимали владения венгерского короля, то термин Курал, употребляемый тюркскими хронистами, относился уже к правителю Польши и Литвы (Мустакимов, 2010, 24–25; Мустакимов, Трепавлов, 2013, с. 255–257).

Фраза Саадет-Гирея о правителе Литвы и Польши Сигизмунде как о своем холопе не более чем политическая декларация, которая была высказана во время обострений отношений между Крымским ханством и Великим Княжеством Литовским. В одном из посланий турецкого султана крымскому хану в 1577 г. сообщается о набегах неверных страны Курал. Османский султан говорил в этом случае о казаках из Речи Посполиты, которые начали беспокоить и турецкие, и крымские владения. Примечательно, что в хронике Халим-Гирея, когда упоминался король, то подразумевался великий князь литовский и король польский (Мустакимов, 2010, с. 24–25; Халим Гирей, 2004; Гайворонский, 2010, с. 197).

Предоставление Глинским владений вблизи Ворсклы произошло уже при Витовте-Александрe. Более вероятно, что земли были предоставлены Глинским уже в конце правления Витовта, поскольку существование княжества Глинского на Полтавщине в эпоху, когда в Золотой Орде был силен Идегей, было вряд ли возможно, так как при первом удобном случае улус Глинских был бы угнан в степь этим беклерибекom. К времени Витовта относят также предоставление земель Долгогатам. Под 1427 г. упоминается Долгогат Долгогладович, сын Долгоглата, переход которого к Витовту Л. Войтович относил к концу XIV в. (Шенников, 1981; Войтович, 2000; Трепавлов, 2010б; Трепавлов, 2006).

В ярлыке Менгли-Гирея Сигизмунду упоминалась тьма Яголтая. Этот Яголтай происходил из клана Сарай. С. Кучыньски считал вероятным происхождение Яголтая от бека Хусейна сына Сарая. Сарай же считался сыном Урусаха. Хусейн был приближенным Улуг-Мухаммеда. Польский исследователь предполагал, что около 1440 г. Яголтай получил обширный феодал от литовцев. Мнение С. Кучыньски разделял Б. Шпулер. Б. Греков и А. Якубовский относили образование тьмы Яголтая к 1438 г. Ф. Петрунь считал, что синонимом тьмы Яголтая была Курская тьма. Он считал, что Яголтаевщина существовала уже в конце XIV в. С. Крычински считал родоначальником Яголтаев Яголтая, который упомянут в ярлыках венецианским купцам 1347 и 1358 г. Не исключен вариант с родством Яголтая с Сарайкой из окружения Мамая. Но Е. Русина считает, что это всего лишь гипотеза. В «Литовской Метрике» имя Яголтая упоминалось два раза в диапазоне между 1440 и 1486 гг. Последнее упоминание о Яголтае было связано с Романом Яголтаевичем. Патроним Яголтай, по мнению Е. Русиной, был родовым прозвищем. Потомками Яголтая была безымянная дочь Зиновия Яголтая и другой сын Яголтая Роман. Ф. Петрунь считал Яголтаевичину, как и Глинщину, татарским улусом на окраинах Великого Княжества Литовского. В состав Яголтаевщины входили Оскол, Мужеч, Милолюбль. Как единое владение Яголтаевщина прекратила существование в 1497 г. Вопрос о времени существования и дате основания Яголтаевщины как отдельного владения остается открытым. Неясно также, как образовался этот улус, и не предоставил ли его великий князь литовский татарскому аристократу. Во всяком случае, это было возможно при условии доминирования Великого княжества Литовского над татарами, что было возможно не ранее 20-х и не позднее 60-х гг. XV в. (Русина, 2001, с. 145–149; Kuczyński, 1965, s. 221–226).

В качестве примера быстрой ассимиляции можно привести историю потомков Сайид-Ахмеда. Этот хан попал в плен к литовцам в 1452 г., вследствие нападения на них киевского князя Олелька Владимировича. Уже его сыновья носили нетатарские имена. Это огланы Воймин и Кирко. У Воймина был сын Ахмед (единственное мусульманское имя), а также дочери Роза и Каника. Внук Сайид-Ахмеда потомства не оставил. В переписи литовского войска 1528 г. упомянуты люди царевича, которые носили уже литовские имена. Стоит напомнить, что Сайид-Ахмед жил в Каунасе. Женой плененного литовцами Шейх-Ахмеда была дочь татарского виленского хорунжего Кадыша Петровича из клана Найман. После того, как Шейх-Ахмеда отпустили к ногайцам, она разорвала брак с Шейх-Ахмедом, приняла католичество и имя Дорота, а также вышла замуж за королевского придворного Яна Габрияловича. По мнению С. Думина, дети от брака с Шейх-Ахмедом стали родоначальниками династий Острынских и Пунских. Сам Шейх-Ахмед был арбитром в спорах между литовскими татарами. С. Крычински и Л. Войтович считают Острынских и Пунских потомками сына Нур-Девлета, то есть Гиреями. В отличие от потомства Сайид-Ахмеда потомки Нур-Девлета или Шейх-Ахмеда долгое время оставались мусульманами. Переход в христианство был инициативой лишь части татар (Думин, 1989, с. 107–113; Kuczyński, 1938, s. 77–78; Войтович, 2000).

Среди украинской шляхты к князьям тюркского происхождения относились Глинские, Долголатовичи, Домонты, Половцы-Рожиновские, Темрюки, Пятигорские, Яголтай. Половцы-Рожиновские относятся к более раннему, чем татары, пласту, что отмечено в их патрониме. Пятигорские же кня-

зья, скорее, должны относиться к выходцам из региона Бештау. Княжеские роды тюркского происхождения были связаны с украинским пограничьем – Поднепровьем и Восточным Подолем. При этом нужно отметить, что князья были только элитарной прослойкой. Ниже их по рангу находились паны. В состав этой социальной прослойки входили бояре. Среди волынских шляхтичей были выходцы из тюрков Дениски-Мокосии и Сеноты, земляне Сивко Кобакович и Шырынды. Среди панов Брацлавщины и Киевщины их было больше. Тюрки составляли около пятой части местной шляхты, и их родов в регионе было 62. В синодике Киевско-печерского монастыря упомянуты: Балагура, Батура, Бердебьяк, Болгариневич, Булгак, Вигура, Воропаевич, Долмат, Калантай, Кичкир, Кобыз, Кожан, Коздаутович, Кончакович, Кошилович, Кошеевич, Колтакович, Кучук, Обернеевич, Тавлуй, Хлус, Чоп, Шашко, Шемет, Шепель, Шомака. Игнат Шомаков упоминается как владелец Таганчи во времена (до 1451 г.) киевского князя Олелька (Александра) Владимировича. На территории Овруцкого региона присутствовал боярский род Ущاپов, который был тюркским по происхождению. От них происходили Васьковичи и Гошовичи. Ущапы получили земли еще от Витовта. В ревизии Брацлавского замка 1545 г. упомянуты Чечели, Кордыши, Козары, Кожаны, Мормулы. На территории Брацлавщины находились вотчины Халаимов, Баглаев, Базанов. Дед Базанов Урман получил свою вотчину от Витовта. В округах Черкасского и Каневского владели земли Балакыри, Грибуновичи-Байбузы, Некрашевичи, Жубрыки, Домонты. Около Канева находились поселения Колтегаев, Арагеев, Ачекмаково, Чыгыри. На окраинах Остра были розданы земли «татарам киевским». Н.Яковенко относит наплыв татар в Киевщину к временам Витовта, когда великий князь литовский выделил Токтамышу и его приближенным для поселения земли около Канева и Черкасс. Еще одна волна мигрантов прибыла в конце XV в. На Подолье и Волынь в середине XVI в. после покорения русскими Казанского и Астраханского ханства также прибывали татары. В 1637 г. беженцы из Буджакской Орды получили земли в окрестностях Черкасс и Чигирина. Татары через некоторое время принимали православие и вливались в состав запорожского (украинского) казачества (Яковенко, 2008, с. 98, 100, 158, 167, 188–192; Черкас, 2008, с. 145; АЮЗР, 1868, с. 87–90, 98–105).

Лиходеевские, которые были ветвью Глинских, также были татарского происхождения. Княжеская династия Домонтов также была ветвью Глинских. Она получила название от Семена-Домонта Ивановича Глинского. Родоначальником династии же считался Дмитрий Семенович Домонт. Они владели землями в Слущком повете и в Поросье, где в честь их был назван город. Кроме того, в Великом Княжестве Литовском жили Байрашевичи (потомки посла Байраша), Барановские, Бербаша, Хазбейовичи, Казковичи, Меликбашевичи, Кенские, Петровичи, Ширинские, Талковские, Темирчичи, Улан-Осанчуковичи, Бердибиаковичи. Бердибиаковичи жили в Смоленской земле. Источники зафиксировали трех сыновей Ивана Бердибиаковича – Михаила, Сенька, Павла, которые умерли в конце XV в., а это значит, что их отец поступил на службу при великом князе Витовте. Татарин Асанчукович, то есть сын Хасана, поступил на службу к литовцам в середине XV в. В 1488 г. Казко Товушевич (родоначальник Казковичей) поступил на службу к Казимиру IV. Сын Тимирчи Чидыр получил привилей от великого князя Александра Казимировича в 1494 г. Княжеский род Петровичей, происходящий от татар, упоминается уже с конца XV в. К XVI в. относится обоснование в Литве Лихача Хазбеевича (1511 г.) и Шейтана Меликбашевича (1522 г.), Алея (Али) Таклковского (конец XVI в.). Кенские получили земли в Кенске в середине XVI в. (Войтович, 2000; Wolff 1895, s. 635–646; Лясота, 2003).

Во всяком случае, количество татар на границах было настолько велико, что Михалон Литвин в середине XVI в. жаловался на то, что вместо литовской (беларуской и литовской) и жемайтской (литовской) молодежи, границу защищают татары и москвиты (севрюки). Память о перебежчиках татарах вблизи Черкасс была настолько стойкой, что Эвлия Челеби в середине XVII в. связывал само основание Черкасс с вероотступником-татарином по имени Черкес (Михалон Литвин, 1994; Эвлия Челеби, 1961).

Контарини, проезжая по землям Киевщины, называл Черкассы деревней, а стороны Днепра, по его мнению, разделялись на литовскую и татарскую. От Черкасс начиналась степь, в которой Амброджо Контарини до Крыма сопровождали верные Казимиру IV татары, которых просил охранять италянца киевский воевода Мартин Гаштольд. «Служивые татары» жили в с. Мошны, около Черкасского замка, и несли замковую службу. Татары на Киевщине во времена правления Олелька Владимировича и Семена Олельковича несли почтовую, посольскую и военную службу. Среди «служивых татар» с украинской территории известны Кузулманы старший и младший, толмач Ромодан, Уздемир из династии Гиреев (он был братом Менгли-Гирея). При этом Уздемир, а позже его сын жили под Каневом. Некоторое время в Киеве пробыли другие братья Менгли-Гирея – Айдер и Нур-Девлет. Сына Нур-Девлета С. Крычински считал царевичем Милешом из «Литовской Метрики». У него были сын Темрюк и Джанибек. Ислам Джанибекович владел Пунянами в Литве.

Брат Ислама Мехмед отметился в битве под Хотинем в 1621 г. против турок. Родоначальником Остринских был Узбек-султан. У него были сыновья Бахадур-султан, Джанай, Чингис. От Чингиса и происходили Остринские, которые еще достаточно долго придерживались ислама. Около Канева и Черкасс в 1528–1529 гг. жил Ислам-Гирей. Эти татары продолжали оставаться мусульманами. Каневский староста в 1561 г. нанимал казаков из Буджака. История сохранила имена этих казаков – Аглаберди, Али-чембей, Акмалла-ага, Бакай-ага, Бассан-али, Джарлы-ага, Чабан-ага. В ревизии Черкасского замка середины XVI в. отмечены татарские имена – Бальш, Бахта, Байдык, Брухан, Буг, Хуссейн, Каранда, Киптай, Кулаш, Махмедер, Малик-баша, Моксак, Ногай, Ахмат, Теребердей, Толук, Чарлан, Челек, Чигас, Чурба.

Принимая татар в свое подданство, Великое Княжество Литовское усиливало свою легкую конницу, которая была крайне необходима, чтобы противостоять крымцам и ногайцам (Скржинская, 1971, с. 210–214; Шабульдо, 2010, с. 57–73; Черкас, 2008, с. 145–146; Яковенко, 2009, с. 179; Kryczynski, 1938, с. 77–78; Думин, 1989, с. 107–113; Свентославский, 2011, с. 73–77; Яворницкий 1990).

Вопрос с степной частью Днепровского Правобережья был очень важен для Хаджи-Гирея и его потомков. В крымской версии событий Хаджи-Гирей пожаловал Семена улусом «Семеновых людей» между Орелью, Днестром и Конскими водами. Еще в 1480 г. Менгли-Гирей требовал от великого князя литовского возвращения улуса «Семеновых людей», в посольских документах он дословно желал выдачи людей, данных Семену Олельковичу его отцом (Хаджи-Гиреем). Казимир IV в «Литовской Метрике» под 1486 г. уклончиво ответил. Он признавал факт того, что Хаджи-Гирей дал земли Семену, однако напоминал, что в отличии от Менгли-Гирея, Хаджи-Гирей был в мире с ним и о «Семеновых людях» не напоминал. А когда отношения Великого Княжества Литовского с крымскими татарами накалились при правлении князя Александра, то великий князь литовский писал, что чужим не владеет, а что есть его отчиной так тем и владеет, а о пожаловании Семена Хаджи-Гирею слухом не слыхивал. Менгли-Гирей в 1507 г. требовал дани с Сигизмунда I Старого платы за земли, которыми жаловал Казимира Хаджи-Гирей. Устье Днепра, которое к тому времени уже не принадлежало литовцам, тоже было включено в состав этих земель. Граница владений Олельковичей была четко установлена черкасским наместником Семена Олельковича Свиридовым. Эти данные сохранились в «Литовской Метрике». В документе так обозначены границы: от реки Мурафа до Днестра, по Днестру через Тягиню до устья Днестра, потом берегом моря и лиманами через Очаков до устья Днепра. В районе Тавани перевозы общие у литовцев с крымцами. Далее по Днепру по той (татарской стороне Днепра) до Овечьей Воды, вверх по течению Овечьей воды до реки Самары, от реки Самары до Ория (Орели), от Ория до Донца (Северского Донца), а от Донца до Тихой Сосны. Нужно сказать, что Мурафа и Днестр, как граница владений Олельковичей, стали после пожалования Семену земель Брацлавского воеводства. В общем, в руки литовцев во времена правления в Киевском княжестве Олельковичей (1440–1471 гг.) попало много татарских земель. Свиридов зорко следил за границей Киевского княжества с крымцами и молдаванами. Семен Олелькович и Олелько Владимирович построили государство в государстве. Оно превышало размерами многие страны. В состав Киевского княжества входили и Путивль и Курск с Ягалтаевой тьмою. Район границы в районе Днепровского Левобережья, кроме татар «Семеновых людей» должны были охранять славяне-севрюки в районе рек Ворсклы, Сулы, Псла, Трубежа, Удая (Шабульдо, 2010, с. 58–59, 63–65, 68–73; Шенников 1981; Багновская 2002, с. 22–34).

Сопровождать Амброджио Контарини должны были татары, которые были казаками. Первоначально этим термином называли беглецов и разбойников или тех людей, которые по разным причинам не смогли найти себе места в разных тюркских государствах. В разные времена казаками были казахские султаны Джанибек и Гирей, хан узбеков Мухаммед Шейбани. Даже сам Менгли-Гирей упоминал времена, когда сам был казаком, то есть был лишен трона. На территории Восточной Европы это было обозначением социального статуса. Этот соционим широко использовался еще в XIV–XV вв. и зафиксирован Сугдейском синаксаре и генуэзском статуте Каффы 1449 г. В греческом документе это был синоним разбойников, из итальянского документа мы узнаем о каффинских казаках, то есть о татарах на службе у итальянцев. На восточнославянском материале впервые о казаках становится известно в Рязанском княжестве. По мнению В. Трепавлова, около Черкасс жило около 2 тыс. татар. С этим предположением не можно не согласиться, поскольку татар около Черкасс отмечал уже Амброджио Контарини (Трепавлов, 2010а, с. 93–94; Халимоненко, 1993; Яворницкий, 1990).

В 1489 г., по сведениям Марцина Бельского, казаки (возможно, татары или русины, служившие королю Казимиру IV) сопровождали войска Яна Ольбрахта к Саврани, поскольку хорошо знали эти места. С 1492 г. крымцы строили крепость Очаков. Однако в том же году на крымцев напа-

ли казаки, которых возглавляли Богдан Глинский и Уздемир. Казаки совершили нападение на крымскую крепость Тягинь. В 1493 г. казаки взяли Очаков. В 1501 г. Иван III жаловался Менгли-Гирею на азовских казаков (татар из Азака). В 1502–1503 г. под Тягиней литовские (из Великого Княжества Литовского) казаки ограбили московского посла Суботу и воевали против татар на нижнем течении Днепра. В 1510 г. Сигизмунд жаловался Менгли-Гирею как перекопских казаков (крымских татар), а в 1516 г. на Подолье напали белгородские (то есть буджакские татары из-под Аккермана) казаки. В 1512 г. казаков-русинов возглавлял Предслав Лянцкоронский. В 1504 г. под Тягиней казаки-русины снова ограбили послов и купцов. Нужно сказать, что в конце XV – начале XVI в. казаками называли искателей удачи занимавшихся разбоем или состоящих у кого-то на службе, будь-то татары или русины. Интересно, что во владениях русских простые татары Касимовского ханства назывались казаками. Они еще известны как «мещерские казаки». В Великом Княжестве Литовском и Великом Княжестве Московском «служивые татары» выполняли военную и почтово-дипломатическую службу. Более конкретным казался термин «черкасы», употребляемый по отношению к казакам из Черкасс русскими. Сигизмунд Герберштейн называл казаков днепровскими черкасами и указывал, что они из русинов. Александр Гванини относил их к подданным короля Речи Посполиты, однако указывал, что кроме низовских (запорожских казаков) есть еще казаки у московитов, которые живут на Дону, Марцин Бельский называл их местным русинским социальным слоем. При этом нужно отметить, что Сигизмунд Герберштейн и Марцин Бельский писали в середине XVI в., когда термин казаки уже устоялся за людьми, живущими на границах Великого Княжества Литовского и Великого Княжества Московского. Александр Гванини же застал уже сформировавшееся Запорожское и Донское казачество (Kolodzeuszuk, 2011, p. 26; Podhorodecki, 1987, s. 32; Черкас, 2006, с. 68; Грушевский, 1995, с. 82–86; Щербак, 2000; Яворницкий, 1990; Bielski, 1856, s. 882–883; Ангонович, 1991; Голобуцкий, 1994; Ивангородский, 2001, с. 48–57; Рахимзянов, 2009, с. 77–80; Гваньїні 2009, с. 427–430; Герберштейн 1988, с. 185–186).

В конце XV – начале XVI в. можно встретить определение «казак» уже не только по отношению к татарам и бывшим татарам, но и русинам. Бернанд Ваповский под 1508 г. сообщал, что татары вторглись в Литву до Припяти. Часть татар победили Константин Острожский и русин казак Полос (Scriptores Regum Polonicarum, 1874, T.2, s. 82–83). По сведениям Мацея Стрыйковского, в 1508 г. крымцы вторглись в Волынь. Одну часть крымцев разбил русин казак Полос (Полус), а вторую победил Константин Острожский (Стрийковский, 2011, с. 889). Термин «казаки» в 1499 г. впервые упомянут по отношению к славянам в Украине. Сказано, что они ходили на промыслы в Понизье Днепра ловить рыбу и добывать соль. Когда нужно было, они применяли оружие и грабили караваны. Александр Казимирович в грамоте киевскому войту предписывал им отдавать десятую часть от добычи. Александр не выдавал казаков еще и потому, что их походы были ответом на частые набеги крымцев на пограничные земли. В целом, по отношению к части русинов (украинцев) термин казак стал применим уже в XVI в. В 1503 г. уже упоминались казаки князя Дмитрия (Дмитрия Путятича из династии князей Друкцих, который был киевским старостой во времена похода Шейх-Ахмеда в Среднее Поднеповье). Казаков набирали себе на службу приграничные старосты. Этническое происхождение интересовало их меньше всего, поэтому первые достоверные данные об именах и происхождении казаков и жителей пограничных замков стали известны только после ревизий и люстраций, проводимых великими князьями литовскими в середине XVI в. (Халимоненко, 1993; Яворницкий, 1990).

По данным «Литовской Метрики», в 1496 г. Василий Борисович Глинский возглавил литовское посольство к Шейх-Ахмеду. Великий литовский князь просил хана Большой Орды помочь стать крымским ханом Уздемиру из династии Гиреев, который с 70-х гг. XV в. пребывал в Литве. Однако посольство Василия Борисовича Глинского было перехвачено татарскими казаками из Азака. Великий литовский князь натравливал Шейх-Ахмеда на Крым, крымцы же продолжали строить фортификации на том берегу Днепра. В плену, невзирая на все требования освободить дипломата, оставался Василий Борисович Глинский. Крымское ханство давило на Литву и дипломатическими методами, Менгли-Гирей для перемирия в письме ставил несколько условий перед Александром, а именно: уступки улуса «Семеновых людей», мира с турками, делал акцент на нападение казаков из Черкасс и Киева, а также говорил, что если бы не это нападение, то был бы он в мире с Литвой. Менгли-Гирей лукавил и выдвигал невыполнимые требования, так как Александр не мог отказаться от помощи своему брату Яну Ольбрахту против турок и не мог уступить часть территории. Татары из улуса «Семеновых Людей» были слишком важным военным ресурсом в борьбе с крымцами, чтобы их так просто отдать врагу

. В «Литовской Метрике» зафиксированы толмачи, которые были татарами по происхождению и ездили с дипломатическими миссиями в Крым и Большую Орду. Одним из них был Берен-

дей, который ездил в 1496 г. к Менгли-Гирею. Казимир IV через своего посла Кирея Кривого в 1471 г. контактировал с бейлербеем Большой Орды Темиром. Контакты между литовцами и татарами были налажены уже в 1471 г., что в последующем привело к тому, что Казимир пропустил татарское войско, которое двигалось через Верховские княжества к Алексиному в 1472 г. В 1501 г. послом к ногайцам и Большой Орде был отправлен Байраш. Посольство к ногайцам было связано и с посольством в Большую Орду, и приход Шейх-Ахмеда в Северскую Украину свидетельствует, что миссия Байраша была удачной (Горский, 2003, с. 156–158; Гудавичюс, 2005, с. 331, 333; Хорошкевич, 2001, с. 151–152; Воронін, 2011, с. 129; Трепавлов, 2010а, с. 96; Pulaski, 1881, s. 9–10, 47, 51–54, 229–230, 255–256; Конечны, 1927, s. 288–289, 300–302; Fiodovaite 2013, s. 152–153).

Во время бунта Глинских Менгли-Гирей предложил Михаилу Глинскому перейти под его власть, за что Менгли-Гирей будет защищать его от короля Сигизмунда I Старого. Татарские связи Глинских обуславливались самим их происхождением. Нужно сказать, что хан наладил контакты с Глинским задолго до бунта. Еще в 1501 г. Шейх-Ахмед отправил письмо князьям Глинским, в котором упоминалось о их происхождении от Мамая и из кыятов. Хан Большой Орды указывал, что к ним отправил посла Чонкаира-мирзу с тяжким поклоном и легким поминком (дарами), выражал надежду на дружбу с Иваном, Василием и Михаилом Глинскими. Указывал, что кыяты пользуются в Большой Орде большими почестями и уважением. В 1505 г. Менгли-Гирей писал Михаилу Глинскому, сообщал, что Михаил отправил к Менгли-Гирею посла Якуба с посланием. Крымский правитель ответил миссией Батуша, где напоминал, что и королю, и Михаилу не нужно дружить с Шейх-Ахмедом и его родней. Сообщал, что хан отправил посла с надеждой на дружбу. Это письмо свидетельствует о немалом значении, которое приобрел Михаил Глинский в последние годы правления великого князя литовского и короля польского Александра Казимировича. Хан желал ему верно служить своему монарху и дружить с крымцами. В посланиях и Шейх-Ахмед, и Менгли-Гирей проявляли максимальное уважение к Глинским, несмотря на то, что в мусульманском понимании они были муртадами, то есть отступниками. Политическая конъюнктура значила для Джучидов куда более, чем религиозный догматизм. И Шейх-Ахмед, и Менгли-Гирей были прагматиками и рациональными людьми. Во время мятежа Глинских великий князь московский Василий Иванович не поддержал идею Менгли-Гирея о создании Киевского княжества во главе с Михаилом Глинским, что значительно испортило отношения Крыма с Москвой, поскольку одной из главных идей крымского хана было установление протектората над Киевской землей. Менгли-Гирей ударил в тыл русским в районе Северской земли, но был вынужден отступить в виду того, что русский государь вел переговоры с ногайцами, и можно было в любой момент ожидать вторжения ногайцев (Хорошкевич, 2001, 169–170; Шэйфер, 1999, 101–109; Pulaski, 1881, s. 264, 284–285).

Татары в Великом Княжестве Литовском играли важную роль в охране границы. Они несли пограничную, посольскую и замковую службу. Толмачей из татар и беков татар отправляли в важные миссии для установления дипломатических отношений с сильными тюркскими государствами. Глинские играли важную роль в защите украинской границы от набегов крымцев. Представители этого рода отправлялись в дипломатические миссии в Большую Орду. Правители Большой Орды и Крымского ханства не считали чем-то постыдным писать муртаду и провинциальному князю. Татарское происхождение рода, наоборот, было плюсом в глазах Джучидов и Глинских, они в целом воспринимали их как своих людей. Принятие же христианства открывало широкие карьерные перспективы. Татарам удавалось сохранять свою идентичность в местах компактного расселения в Беларуси и Литве, а также на Волыни. Однако многие татары, получавшие земли в Великом Княжестве Литовском довольно быстро утрачивали этническую и религиозную идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонович В.Б. Про козацькі часи на Україні. К.: Дніпро, 1991. 238 с. <http://www.exlibris.org.ua/kz/r01.html>
- АЮЗР 1868 – Архив Юго-Западной России. Ч. 7. Кн.1.: Акты о заселении Юго-Западной России. К.: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1868. 746 с.
- Багновская, 2002 – Багновская Н.М. Население Северской земли в XIV–XVI вв. М.: Палеотип, 2002. 48 с.
- Варонін, 2011 – Варонін В.А. З історії узаемаадносін Вялікого Княства Літоўскага з татарами у канцы XV – першай трэці XVI стст. Хан Шыг-Ахмет // *Studia Historica Europae Orientalis* – Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 3. Минск: Республиканский Институт Высшей Школы, 2011. С.127–149.
- Войтович, 2000 – Войтович Л.В. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – XVI ст). Склад, суспільна та політична роль. Істрико-генеалогічне дослідження. – Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2000. 649 с. <http://litopys.org.ua/dynasty/dyn60.htm>

Гайворонский О. Повелители двух материков. Т.1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследие Великой Орды. – К.-Бахчисарай: Майстэрня кныгы – Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2010. 400 с.

Гваньїні Олександр. Хроніка Європейської Сарматії. – К.: Вид. дім Києво-Могилянська Академія, 2009. 1008 с.

Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

Горский А.А. Москва и Орда. – М.: Наука, 2003. 214 с.

Голобуцький В. Запорізьке козацтво. К.: Вища школа, 1994. 539 с. <http://litopys.org.ua/holob/hol03.htm>

Гришин Я.Я. Польско-литовские татары: наследники Золотой Орды. Казань: Татарское книжное издательство, 1995. 192 с.

Гришин Я.Я. Польско-литовские татары: взгляд через века. Исторические очерки. Казань: Татарское книжное издательство, 2000. 160 с.

Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. VII. К.: Наукова думка, 1995. 627 с.

Гудавичюс Э. История Литвы. Т. 1. С древнейших времен до 1569 г. М.: Baltus, Фонд имени И.Д. Сытина, 2005. 684 с.

Дашкевич Я.Р. Литовські походи на золотоординський Крим в кінці XIV ст.: між історією та фікцією // VIII сходовознавчі читання А. Кримського. Тези міжнародної наукової конференції. м. Київ, 2–3 червня. К.: Інститут сходовознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, 2004. С.133–135.

Думин С.В. Татарские царевичи в Великом Княжестве Литовском (XV–XVI) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М.: Наука, 1989. С.107–113.

Зайцев И.В. Липка в восточных источниках // Восточная Европа в древности и Средневековье. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. XVIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2010. С.70–77.

Івангородський К. Витоки козацтва у контексті етносоціальних процесів на Середньому Подніпров'ї // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Т.6. К., 2001. С.48–57. http://www.cossackdom.com/articles/i/ivangor_spodnipro.html

Канапацкая З.И. Мечети татар Беларуси, Литвы и Польши: история и современность // Мечети в духовной культуре татарского народа. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. С.6–24.

Путешествия Гильбера де-Ланноа в восточные земли Европы в 1413–1414 и 1421 годах. Путешествие Гильбера де Ланноа в 1421 году. // Киевские университетские известия. № 8. Отд.2. Киев: Университетская типография, 1873. <http://www.vostlit.info/Texts/rus/13/Lannoa/text2.phtml?id=1822>

Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Издательство МГУ, 1994. 151, [3] с. <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin/frametext4.htm>

Щоденник Еріха Лясоти із Стеблева // Запорізька старовина. К.–Запоріжжя: НДІ козацтва Запорізьке відділення, 2003. С.222–273. <http://www.svit.in.ua/kny/bookla.htm>

Миргалеев И.М. «Чёрный человек» Мамай // Мамай. Опыт историографической антологии. – Казань: Изд-во «ФЭн» АН РТ, 2010. С.183–197.

Мишкинене Г. Литовские татары. Историко-географический очерк. http://www.vilnius.skynet.lt/story_t.html

Мустакимов И.А. Владения Шибана и Шибанидов в XIII–XV вв. по данным некоторых арабских источников // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 2. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С.21–32.

Мустакимов, Трепавлов, 2013 – Мустакимов И.А., Трепавлов В.В. Чингизидское происхождение христианских монархов в тюркской и монгольской исторической традиции // Тюркологический сборник, 2011–2012. М.: Восточная литература, 2013. С.255–262.

Осипян А.Л. Миграции, адаптация и интеграция кочевников в оседлом обществе: сравнительный анализ перехода половцев к оседлому образу жизни в Галицкой Руси и Венгерском Королевстве в XIII–XV вв. // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...). – Казань: Ихлас, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С.122–174.

Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 207 с.

Русина Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева Тьма // Славяне и их соседи. Вып. 10. М.: Наука, 2001. С.144–152.

Свентославский В. Татары на территории Тевтонского Ордена в Пруссии // Золотоординское наследие. Вып.2. Казань: ООО Фолиант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С.73–77.

Скржинская, 1971 – Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини и России. М.: Наука, 1971. 276 с.

Стрийковский, 2011 – Стрийковский Мацей. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів: Наукове товариство ім. Т. Шевченка у Львові, 2011. XII, 1084 с.

Трепавлов В.В. Предки Мамай-царя. Киятские беки в «Подлинном родослове князей Глинских» // Тюркологический сборник: 2005. Тюркские народы Великой Степи и России. М.: Восточная литература, 2006. С.320–353.

Трепавлов В.В. Белый царь: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007. 256 с.

- Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула: Граф и К., 2010. 112 с.
- Трепавлов В.В. Предки Мамай-царя. Киятские беки в «Подлинном родослове князей Глинских» // Мамай. Опыт историографической антологии. Казань: Изд-во Фэн РТ, 2010. С.136–170.
- Черкас Б. Україна у політичних відносинах Великого Князівства Литовського з Кримським ханатом (1515–1540 рр.). К.: Інститут історії України, 2006. 244 с.
- Черкас Б. Степовий щит Литви. Українське військо Гедиміновичів (XIV–XVI ст.): науково-популярне видання. К.: Темпора, 2011. 144 с.
- Черкас Б.В. Служиві татари в обороні українських земель Великого князівства Литовського XV–XVI ст. // Надчорномор'я: студії з історії та археології. К.: Інститут історії України НАНУ, 2008. С.144–148.
- Черкас Б.В. Поход Токтамыша на Великое Княжество Литовское // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С.167–169.
- Халимоненко І.Г. Інститут козацтва: поркського та українського // Східний Світ. № 1. К.: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського, 1993. С.108–111. <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/halimonenko-1.htm>
- Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов или история Крыма. – Симферополь: Доля, 2004, 288 с. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rozovuj_kust_chanov/2.phtml?id=12922
- Хорошкевич А.Л. Русь и Крым от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиторал УРСС, 2001. 366 с.
- Челеби Эвлия. Книга путешествия. Вып. 1: Земли Молдавии и Украины. М.: Восточная литература, 1961, 338 с. <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Celebi3/text5.phtml?id=1731>
- Шабульдо Ф.М. Семеновы люди: их территории и роль в политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV века // Ruthenica. № 9. К.: Інститут історії України, 2010. С.57–73.
- Шенников А.А. Княжество потомков Мамай // Депонировано в ИНИОН – 7308. Л., 1981. С.20–22. <http://www.zarusskiy.org/history/2008/06/29/maмай/>
- Шэйфер В. Мяцеж ці паустанне? Выступ Міхала Глінскага пад час вайні Маскоускай дзяржаві з ВКЛ у 1507–1508 гг. // Гістарычны Альманах. Т.2. Менск, 1999. С.101–109.
- Щербак В. Українське козацтво: формування соціального стану. Друга половина XV – середина XVII ст. К.: Видавничий дім Київ-Могиланська академія, 2000. <http://izbornyk.org.ua/coss1/shch02.htm>
- Яворницький Д. История запорожских казаков. Т.2. К.: Наукова думка, 1990. 606 с. <http://www.cossackdom.com/book/bookuvor/izk2/201.html>
- Яковенко Н. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. Волинь і Центральна Україна. К.: Критика, 2008, 472 с.
- Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної історії України. К.: Критика, 2009. 584 с.
- Якубович М.М. Татарсько-мусульманське населення Південно-Східної Волині XVI–XX сторіччя: історична ретроспектива // Наукові записки. Серія історичні науки. Вип. 2. Острог: Національний університет Острозька Академія, 2010. С.186–196.
- Kronika Polska Marcina Bielskiego. T.2. Księga IV–V. – Sanok: Nakład i druk Karola Polaka, 1856. S.701–1222.
- Borawski P. Tatarzy w dawnej Rzeczypospolitej. – Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1986. 317 s.
- Chazbijewicz S., Mockun S. Tatarzy pod Grunwaldem. – Grunwald: Grunwald Muzeum, 2012. 65 s.
- Długosz J. Dziejów Polskich ksiąg dwanaście. T.4. Ks. XI, XII – Kraków: W drukarni «Czasu» W. Kirchmayera, 1869. 8, 668, XXIII p.
- Fiodorvaite K. Tatar factor in Soyh-Western Rus in second half of 15th century according Lithuanian Metrica // Colloquia Rossica. Series I, Vol. 3: Rus' during the Epoch of Mongol invasions. Krakow: Jagiellonian university, 2013. С.150–155
- Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th–18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. Leiden-Boston: E.J. Brill, 2011, XXXVI, 1109 p.
- Koneczny F. Sprawy z Mengli-Girejem 1473–1504 // Ateneum Wileńskie. R. 4. Wilno: Towarzystwo przyjaciół nauk w Wilnie, 1927, Z.12. S.138–189; Z.13. S.287–348.
- Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego Księg XXX. T.1. Sanok: nakł. i druk Karola Pollaka, 1857. 770 s.
- Kryczynski S. Tatarzy Litewscy. Proba monografii historyczno-etnograficznej // Rocznik Tatarski. T.3. – Warszawa: Wydanie rady centralnej, związku kulturalno-oswiatowego tatarów Rzeczypospolitej Polskiej, 1938. 318 s.
- Kuczynski S.M. Jaholday i Jaholdadayevice. Lenni Ksiazeta Tatarscy Litwy // Studia z Dziejow Europy Wschodniej X–XVII w. – Warszawa: Panstwowe wydawnictwo naukowe, 1965. S.221–226.
- Podhorodecki L. Chanat Krymski i jego stosunki s Polska, Warszawa: Ksiazka i wiedza, 1987. 359 s.
- Pulaski K. Stosunki z Mendli-Girejem, chanom tatarow perekopskich (1469–1515), akta i listy // Stosunki Polski s Tatarszczina od Polovi XV wieku. – Krakow-Warszawa: Gebethner i Spolka, Gebethner i Wolf, 1881, pp.1–449.
- Scriptores Rerum Polonicarum. T. 2 – Cracoviae: Typis Universitatis, 1874. XXX, [2], 363, [3] s. http://dir.icm.edu.pl/Scriptores_Rerum_Polonicaru/m/To_m_2/info

Tyszkewicz J. Tatarzy na Litwie i Polsce. Studia s dziejow XIII–XVIII w.-Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989, 343 s.

Wolff J. Kniazowie Litewsko-Rusce od konca czternastego weku. – Krakow: Gebethner i Wolff, 1895. XXV, 698 s.

Я.В. Пилипчук

БӨЕК ЛИТВА КЕНӘЗЛЕГЕНДӘ ТАТАРЛАР (ПРАВОСЛАВИЕ ҺӘМ ИСЛАМ ДИНЕН ТОТУЧЫЛАР): АДАПТАЦИЯ ҺӘМ АССИМИЛЯЦИЯ

Мәкалә Бөек Литва кенәзлегендәге татарларның тарихына багышланган. Бөек Литва кенәзенә хезмәткә кереп, татарлар үзләренең дини һәм этник үзенчәлекләрен саклый алганнар. Христиан динен кабул итү һәм ассимиляцияләнү, йотылу һәрбер аристократның шәхси карарына бәйле булган. Глинскийлар, Яголтайлар һәм башка шляха нәселләре славяннар арасында шактый тиз ассимиляцияләнгәннәр. Татарлар католик диненә караганда православие динен ешрак кабул иткәннәр. Глинскийларны һәм башка атаклы татарларны, православие динен тотуларына карамастан, мөселман кардәшләре тарафыннан үз кешеләре буларак кабул итү сакланган. Ислам динен саклап калу – Литвада, Волыньда, Кара Руста – татарлар бергәләп яшәгән урыннарда гына мөмкин булган. Йомышлы татарлар һәм мөртәт татарлар (Глинскийлар кебек ислам диненнән ваз кичкән кичәге мөселманнар) хәрбиләр, илчеләр һәм тәржемәчеләр булып хезмәт иткәннәр.

Ачык сүзләр: Бөек Литва кенәзлеге, Украина, татарлар, литва татарлары, мөселманнар, ислам, христиан дине, казаклар.

Ya.V. Pylypchuk

TATARS IN GREAT DUCHY OF LITHUANIA (ORTHODOXES AND MUSLIMS): ADAPTATION AND ASSIMILATION

This paper deals with the history of the Tatars in the Grand Duchy of Lithuania. Tatars played an important role in the political life of the Grand Duchy of Lithuania. Tatars converted to Christianity were ambassadors to the Golden Horde and the princes in the lands of Ukraine, Belarus and Lithuania as Glinkie and Yagoltai. Tatars joined structure of Ukrainian (Zaporozhye) Cossacks. Lithuanian Tatars continued perceived Crimeans Tatars and Tatars of Great Horde as part of Tatar world. Tatar emigrants formed a class servicemen Tatars, who were carrying military, embassy and diplomatic missions. Tatars could freely practice Islam and converted to Christianity was voluntary.

Keywords: Great Duchy of Lithuania, Ukraine, tatars, Lithuanian tatars, muslims, islam, Christianity, cossacks.

Сведения об авторе

Пилипчук Ярослав Валентинович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины (г. Киев, Украина). E-mail:bachman@meta.ua

Пилипчук Ярослав Валентин улы – тарих фәннәре кандидаты, Украина Милли фәнни академиясе А.Ю. Крымский исемендәге Көнчыгышны йөрәнү –институтының кече фәнни хезмәткәре (Украина, Киев шәһәре).

Pylypchuk Yaroslav Valentinovich – Cand. Sci. (History), Junior Researcher, Department of Eurasian Steppe, A.Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies, the National Academy of Sciences of Ukraine (Kiev, Ukraine).